

Таша Ульянова

Распутица

Таша Ульянова

Распутица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70672825

SelfPub; 2024

Аннотация

У Антона есть всё: любящая жена, прибыльное дело, надёжный дом, но ему этого мало. Антон жаждет большего и в одночасье рвёт свою прежнюю жизнь, а заодно разбивает семью. Его решение приводит к неожиданному развилку, и вот Антон мчит с молодой любовницей – Мирой навстречу судьбе, однако, мартовская распутица приготовила испытание для беспечного водителя. Оказавшись в ловушке непогоды, что ожидает Антона и Миру: страстная ночь, раскаяние или, вовсе, гибель?

Таша Ульянова

Распутица

Неожиданно – это когда едешь по шоссе, попадаешь на гвоздь и на полном ходу улетаешь в кювет. В отличие от неожиданных событий, развал семьи Антона происходил постепенно.

Трудно сказать, когда именно уют семейной гавани стал для него ловушкой. Если довериться буддистам, то в прошлой жизни Антон, скорее всего, был акулой, поэтому болезненно воспринимал всё, что мешало ему двигаться вперёд. Антону претила однотипность быта: посиделки перед телевизором, чаепитие с родственниками по субботам, походы в парк по воскресеньям и любым погожим вечером стёртыми тропами. И даже рождение дочери – событие, несомненно, радостное не принесло облегчения. Акула в душе упрямо рвалась вперёд, но сеть, сплетённая из семьи и долга, была крепка, и приходилось бесконечно кружить внутри ловушки у береговой линии, когда хотелось погрузиться в неизведанную пучину.

Его жена – Софья чувствовала приближение ненастья и пыталась по-своему сгладить ситуацию. Пока Антон всецело отдавался бизнесу, она посвятила себя хозяйству. «Быть хорошей женой» для Софьи означало оставаться приветливой, чистоплотной и подогревать ужин в ожидании возвращения

супруга. По наивности она спотыкалась на тех же граблях, что и тысячи шаблонных домохозяек до неё, свято верующих в силу домашнего очага.

Пламя затухало. Осень несла одно разочарование. Зимние холода окончательно остудили чувства. Наступила промозглая весна. Март не щадил ни бродячих собак, ни припозднившихся прохожих. Антон переступил порог квартиры чуть позже семи вечера. Кожаная подошва погрузла в мягком ковре, тихо щёлкнул выключатель. Родимый дом... Мебель дорогая, стильная; стены отштукатурены под «линеечку», плинтуса подогнаны до миллиметра. Трудилась его бригада, хорошие ребята – таким не жалко зарплату повышать. Вот только пахнет ужином... Привычным, опостылевшим бытом.

Софья по обыкновению вышла навстречу – улыбчивая, накрашенная, в новом халате, и сразу потянулась губами к щеке.

– Не могу...

Почти физическое отторжение к излучаемому женой теплу, вынудило увернуться от поцелуя. Копимое в душе напряжение вдруг навалилось единой секундой, «не могу» стучало в голове набатом.

– Нам пора расстаться... – прозвучали заветные слова, за которыми послышался треск сети. То, что в Антоне было от акулы, заметалось с удвоенным рвением в предчувствии освобождения.

Софья отвернулась. Соль на её щеках была вовсе не от морских брызг, и нет вокруг никакого моря, только квартира в центре города, где могла бы жить в любви молодая семья, да не сложилось...

Антону стало больно, слёзы жены кололи ему глаза. Нужно было сию секунду задобрить совесть щедростью:

– Квартира останется вам с Анютой. Если хочешь, подай на алименты, но я и так буду помогать деньгами...

Софья вдруг сжалась и стала похожа на глыбу. Именно с глыбой последние несколько лет располневшая жена ассоциировалась у Антона.

– Знаю, к кому уходишь, – прошептала Софья. – И молоде, и стройнее...

Растерянность рукавом не утрёшь и в карман не засунешь. Антон малодушно надеялся утаить всю правду, но оказалось, что тайна вовсе не тайна, и самолично обведённый нимб мученика над головой вдруг обернулся демоническими рогами.

– Папа, ты уходишь? – из спальни высунулась девочка. Ане недавно исполнилось четыре года, у неё было любопытное личико, как у потешного хорька, и курчавые льняные волосы. Девочка была встревожена. Только идиоты думают, что маленький ребёнок ничего не соображает. Они, как флюгеры чувствительны к непогоде в доме.

– Я скоро вернусь, – пришлось проявить силу воли, чтобы не выдать волнения в голосе. – Иди смотреть мультики.

– Сегодня вернёшься?

Что за вопрос?

– Да! – раздражение заскребло по горлу. Антон готов был пообещать что угодно, хоть пони на день рождения, лишь бы отпустило.

Пушистый ковёр вновь прогнулся под ботинком. Хлопнула дверь, завибрировали перила, загромыхал бетон. Скорым шагом Антон променял тепло квартиры на мартовскую промозглость, и, не сбавляя темпа, прыгнул в припаркованное у подъезда авто. Несколько секунд ушло на то, чтобы совладать с мыслями, а затем педаль газа стала работой растревоженной души.

Темнота успела поглотить город. Глянцевые от сырости здания проносились мимо и предавались забвению. Очередной километр подводил пульс к норме, пока не отпустило достаточно, чтобы ровно дышать.

Свободен! Ощущение было, как после выпитого залпом бокала пива или первой утренней сигареты. Всё, что угнетало, вдруг растворилось в сотне огней за спиной. Рука сама собой потянулась за телефоном.

Пара гудков – и динамик нежно завибрировал:

– Алло.

– Мира! – обрадовался Андрей. – Я еду! Через двадцать минут будь готова.

Собеседница умолкла. Из заявленного времени Мира добрую минуту потратила на обдумывание.

– Ты сказал ей? – прозвучал осторожный вопрос.

Не успел Антон удивиться насколько точно современная связь передаёт оттенок сомнения в голосе, как его слух прошёл проверку восторгом:

– Супер! – тональность Миры мгновенно взлетела на пару октав. – Значит, сегодня празднуем?

Конечно! С этого дня правила меняются: больше не нужно прятаться по гостиничным номерам, не нужно следить за журналом звонков. Разрыв с женой практически узаконил тайную любовную связь, и позволил касаться желанного без оглядки по сторонам.

Автомобиль затормозил у освещённого подъезда. Буквально тот час из дверей показалась девичья фигура. Задержавшись на порожке, словно сомневаясь в способности туфель противостоять непогоде, девушка всё же решила штурмовать слякоть.

В качестве извинения за задержку Антону был предложен поцелуй, на что он с готовностью согласился. Удостоверившись тонкости талии под лёгкой курточкой, пальцы опустились ниже, чтобы исследовать длину юбки. Исследование показало, что длина головокружительная.

Лёгкий шлепок был ответом на вольность. Мира надула губки:

– Не здесь. Соседи, если увидят, то обязательно додумают!

В принципе, что бы соседи ни додумали, всё было правдой. То, что с располневшей женой происходило исключи-

тельно под одеялом, с красивой любовницей вытворялось и над одеялом, и вдали от одеяла – была бы поблизости горизонтальная плоскость. Трудно сказать, переродилась ли Мира из акулы, только однозначно искала новизны в качестве человека. Она также ненавидела сидеть на месте, и при знакомстве Антон рассудил, что исследовать пучину жизни вдвоём куда интереснее.

Прерванный поцелуй возобновился в салоне под покровительством тонированных стёкол. Под юбкой отыскились края кружевных чулок. Мира тут же отстранилась.

– Сначала вечеринка.

Для Антона вечеринка уже началась, но в случае отказа, Мира вполне могла уйти в обиду. В деле с молодой любовницей, как и в бизнесе, иногда требовалось проявлять долю гибкости, чтобы добиться наилучшего результата.

Антон повёл автомобиль на выезд со двора. Теперь, промозглая ночь заиграла совершенно новыми красками. Мира включила радио и принялась извиваться под новомодную песенку. И слова дурацкие, и мотив примитивный, но, странное дело, песня гармонировала со скоростью, доводя возбуждение ездой до апогея.

Автомобиль лихо взял поворот, чем спугнул красный сигнал со светофора. Улица сузилась, окружающие здания скинули с плеч больше половины этажей.

Мира перестала изображать извивающуюся кобру и вопросительно посмотрела на Антона.

– А куда мы едем?

– Сюрприз, – напускная таинственность в голосе не сработала, Мира сверкнула глазами:

– Я хотела в клуб!

Недолго ей осталось сердиться. Как только холёных пяточек коснётся дубовый веник, а на разгорячённую кожу опрокинется ушат свежей воды... Антон представил себе обнажённую Миру в сауне – в пару и влаге, и у него вдруг поплыло перед глазами. Пришлось ослабить левую ногу, чтобы не угодить в аварию. Чувство было острее бритвы. Оно заставляло забытья, в то же время, держало в тонусе, совсем не так как с женой.

Воспоминание о супруге совпало с изменением пейзажа за стеклом: живость улиц сменилась унылостью пригорода. Мира ударила по приборной доске, девичьим хуком нокаутировав радио.

– Вот увидишь, славно повеселимся, – иногда капризы любовницы сильно досаждали Антону – они сбивали настрой, но не возбуждение. В итоге, период ссоры быстро проходил, и рукам Антона вновь было дозволено вольничать.

– Ну же, котёнок! – низведёнными до немилости объятьями он попробовал ободрить Миру. – У меня объект в сорока километрах. Вокруг ни души...

И благодать! Хоть голышом бегай, хоть на луну кричи. Рабочие приедут не раньше восьми утра. Внутренняя отделка санатория ещё идёт полным ходом, но сауна уже готова и

требует проверки. Это куда лучше клубов с кислотной музыкой и токсичными помоями в стаканах. Желание «движа» было оборотной стороной молодости Миры, с которой Антон категорически не мог согласиться. Вот Софья всегда любила загородные поездки...

Вновь кольнуло в груди. Антон невольно скривился.

Развернувшись на сидении так, словно боясь потерять корону, Мира бросила высокомерно:

– Тебе придётся сильно постараться, чтобы мне понравилось.

Антон немного расслабился. Он умел принимать вызовы. Но воцарившаяся в салоне гармония не принесла покоя душе. Как-то навалилась усталость, фантазию о ночи с Мирой вытеснили пустые мысли. Уже и до пригорода не дотянуться взглядом, кругом сплошной мрак, только крохотные огни переливаются позади. Шоссе протянулось через пронизанную ледяным ветром равнину, и Антону вдруг стало страшно. Он испугался вовсе не темноты или дальней дороги, а своей отрешённости от происходящего, словно пик удовольствия уже преодолён и началось неизбежное остывание чувств.

Поворот руля вынес авто с шоссе на грунтовую дорогу. Распутица разлетелась из-под колёс.

Мира так и подпрыгнула на сидении.

– На ежа села? – невольно усмехнулся Антон. – Знаешь, это даже оскорбительно – не доверять мне.

– Пережужьёшь. А ведь, правда, что-то кольнуло!

– По шоссе долго ехать. Срежем с десятков километров, – на самом деле Антон торопился, пока настроение совсем не потускнеет. В сауне наверняка чувство разгорится по-новому, не оставив тоске и шанса.

– Брошу тебя посреди поля, сам с собою парься!

Идея показалась Антону не то чтобы заманчивой, а просто приемлемой, что лишь усилило тревогу. Стало очевидным, что он поторопился праздновать разрыв с женой. Здесь не на гашетку давить нужно было, а взять пару дней перерыва. Не чужую ведь жизнь разорвал на куски.

Мотор упрямо рвался вперёд. Дорога под колёсами совершенно расхлябалась. В городе снег уже стёк в канавы, но тут местами ещё цеплялся ледяными пальцами за землю.

– Слышал истории про брошенные автомобили? – Мира обернулась к Антону. Подсветка приборной доски бросила на её щёки пучок мертвецкой зелени. – Распахнутые настежь дверцы, словно пассажиры и водитель просто ушли...

Колёса уверенно взяли ухаб.

– Мне здесь не нравится. Давай вернёмся...

На стекло брызнула грязь и вдруг машина встала. Антона и Миру резко швырнуло вперёд, благо ремни безопасности были на страже. Мотор взревел на своём механическом языке. Завизжали шины. Антон скручивал шею рулю, давил на сцепление. И тогда мотор взмолился. Сомнений не осталось – они прочно увязли посреди поля. Видимости хватает

на длину света фар, дальше – пустота. Только на чёрном горизонте оборону держит городская иллюминация, да далеко позади шоссейные огоньки дрожат и тускнеют, не иначе, от холода.

Стоило слегка приоткрыть дверь, как выдубленный мартовской ночью мороз ввалился в салон. Мира плотнее натянула тонкую курточку на груди. Оставив любовницу в компании печки, Антон отправился исследовать масштабы катастрофы. И надо же было вляпаться всеми колёсами! Распутица порядком похозяйничала: склизкими языками подговорила почву против неожиданных визитёров, а теперь злорадно поблёскивает в холодном свете фар. Мороз быстро схватывает землю. Ледяная корка куётся тут же – на глазах.

– Ну, что там! – в нетерпении Мира высунулась из салона.

Антон поднял ворот куртки до ушей и вытащил из кармана телефон, поднёс к глазам, затем протянул ближе к небу. На фоне мрачного неба светящийся экран напоминал маленькую луну.

– Только не говори, что сеть недоступна, – в салоне вспыхнула вторая крошечная луна. Мира принялась раздражённо тыкать в неё пальцем. – Этого просто не может быть! Сделай что-нибудь!

Можно станцевать на капоте, а заодно согреться. Но больше тепла сейчас хотелось послать любовницу ко всем чертям. Неуместной истерикой Мира только усугубляет ситуацию, даже дверь заблокировала, наверное, считает, что это

избавит от проблемы.

Антон несколько раз безрезультатно дёрнул за ручку:

– Перестань вести себя как ребёнок!

В отместку Мира показала язык.

– Завёз меня в глухомань, а теперь простудить хочешь?

– Нужно быть полной душой, чтобы в мороз натянуть каблук и юбку чуть ниже пупка!

Вот Софья всегда одевается по погоде и Аню кутает...

– Я собиралась в клуб! – от злости у Миры даже слёзы брызнули из глаз. – А эти вещи ты с удовольствием стягиваешь с меня при всяком удобном случае! Первую встречу забыл? Как взглядом раздевал и даже паспорта не спросил. А вдруг мне восемнадцати не было?..

Всё сказанное являлось правдой. Антон повёлся на молодость и упругое тело, не особо интересуясь возрастом пассии. Если разобраться, то совершеннолетие Миры на момент первого свидания было настоящей удачей.

– Каждый раз ты решаешь, что нам делать, а я должна соглашаться. «Мира – дура. Я старше, значит умнее», – так ловко передразнила она манеры Антона, что тот передумал ссориться.

Захотелось встать под горячий душ и заодно с ознобом смыть раздражение. Глупо сердиться на любовницу – она никогда не прикидывалась рассудительной овечкой, а вот ему совестно терять хладнокровие в сложном положении.

– Послушай, котёнок, – Антон улыбнулся, – мы выберем-

ся. В крайнем случае, вызовем МЧС – к ним и без сети дозвониться можно...

– Чего ждёшь?!

Пока они приедут... В расторопность друзей верилось больше, чем в оперативность городских служб. Благо, недалеко в темноте возвышался поросший кустарником холм, на вершине которого можно попытаться счастья со связью.

Заметив, что он уходит, Мира прильнула к стеклу:

– Антон! – призыв был полон тревоги, игнорировать такой мужчина не способен. – Мне, правда, очень страшно. Возвращайся быстрее.

Задерживаться на ветру в планы не входило. Как бы Мира не просчиталась с одеждой, только ботинки и куртка Антона также предназначались для путешествий в салоне автомобиля, а никак не для прогулок по весеннему полю. Скоро и ночная тропа показала свой нрав: с виду лёгкая задача, на деле обернулась тяжёлым подъёмом со склизкой почвой под ногами и режущими руки кустарником, за который приходилось цепляться для равновесия.

Обернувшись на середине пути, Антон увидел чуть сбоку внизу одинокий свет салона посреди бескрайнего мрака. Не это ли та пучина, ради которой он расстался с семьёй? Захотелось бросить на секунду якорь, обдумать свои действия, но Мира осталась одна, она ждала, и, стиснув зубы, Антон рванул навстречу вершине, как вдруг грунт собрался под ступнёй гармошкой, тело повело назад; падая, он ухватился за

землю и оторвал от грязи по жирному клоку. Антон катился, ломая кустарник, острые сучки которого так и норовили проткнуть глаза. Холодная каша – смесь снега и грязи забилась за ворот и манжеты.

Хлопнула дверца автомобиля.

– Антон! – оскальзываясь, Мира бросилась на помощь; чуть сама не упала. – У тебя всё лицо в крови!

Так и есть, один из сучков рассёк висок, боль пульсировала в порезе, с каждым сокращением выталкивая из-под кожи порцию тёплой жижи.

– Ничего, – Антон медленно поднялся, попробовал отряхнуться, но лишь размазал грязь по штанам. – В голове много сосудов, поэтому выглядит страшно.

Хуже, если попадёт инфекция, придётся глотать антибиотики и трястись в лихорадке. Вот и Миру трясёт, только причина заключается в тонкости чулок и нервном напряжении.

– Испугалась? – он скорчил рожу.

– Дурак!

Сейчас и спорить не хочется. Опыт последних минут показал, что синица в руках надёжнее журавля в небе – уж лучше МЧС, чем очередное приключение.

Антон полез за телефоном – сначала погрузил в карман только концы пальцев, затем – всю кисть, а после засунул руку чуть ли не по локоть.

Потерял! Телефон вывалился во время падения, в темноте и грязи теперь не разыскать. Вопреки отчаянию, Антон

попытался, и даже изломал несколько особо густых кустов; исшарил задубевшими пальцами землю. Напрасно.

– Ну, конечно! – Мира топнула бы каблуком, да побоялась упасть. – С нами по-другому и не могло случиться. А всё ты виноват!

Антон резко выпрямился, порез на виске, вроде бы, подсох, замёрзшая кровь стягивала кожу.

– Где твой телефон?

– В сумочке... – фраза оборвалась, как от удара под дых. Явив скорость и отменное равновесие, Мира ринулась к авто, вцепилась в ручку, застучала в стекло, будто внутри кто-то обязательно услышит и отзовется. Вот она – сумочка на переднем сидении и ключи торчат из замка зажигания, но, захлопнутая дверца встала непреодолимой преградой к спасению.

Та часть Антона, которая была от акулы, разинула пасть, но кричать рыбам не дано, только бить плавниками и трепыхаться в слепом отчаянии.

– Ломай его! Ломай! – требовала Мира, указывая на стекло.

Антон бил ногой, в горячем порыве ударил локтем и тут же отпрянул, лелея руку. Место ушиба словно током пробило, даже зубы свело от боли, но проклятое стекло оставалось целым.

Вырвавшиеся ругательства Мира восприняла в свой адрес:

– Тряпка! – закричала она. Крик изломал её голос, сделал хриплым, как у старухи. – Не смей сдаваться! Ты всегда добиваешься своего. И всё время жалуешься на какие-то препятствия. Только ты сам препятствие. Втягиваешь людей в свою жизнь, а затем выбрасываешь на обочину, как ненужных щенков!..

Мира захлебнулась то ли от крика, то ли от яростного ветра. Антону почудилось, что сейчас она упадёт без сил, но девушка выстояла. Тонкие руки обвили худые плечи, колени под чулками пошли крупной дрожью, слёзы полились из глаз и почти сразу обратились на щеках льдом.

Антон стянул куртку – последнюю защиту от всепроникающего холода и укутал Миру. Девушка с готовностью прижалась к его груди; холоднее сосульки, она искала не только физического тепла.

Ночь и ветер только-только вошли во вкус, до рассвета ни взглядом, ни мыслью не дотянуться. Ленточка шоссе-огней трепетала, того и гляди, померкнет. Далёкий свет был холоден, расстояние до него исчислялось обмороженными пальцами.

– Не хочу умирать, – прошептала Мира.

А медлить опасно, каждая следующая секунда промедления магнитом притягивает беду. Люди погибают в авариях, становятся жертвами эпидемий, но замёрзнуть насмерть в пяти километрах от шоссе из-за череды случайностей – самое нелепое, что может случиться с человеком.

– Я не дойду, – Мира отчаянно затрясла головой.

Антон сжал её ладошки и принялся интенсивно греть своим дыханием. Толку мало – он сам продрог изнутри, но главное, что в каждом выдохе была забота и всецелая поддержка.

– Не глупи, котёнок. Я много сегодня натворил глупостей, но точно знаю: нужно идти. Тут рукой подать. Видишь? – ложь слетела с языка без особой надежды, однако озябшая Мира приняла слова за чистую монету. Она готова была поверить в любую небылицу, сулившую спасение.

Ступни увязали в раскисшей грязи. Иногда приходилось с силой выдергивать ногу. Каблуки Миры то и дело «уходили» в землю по самую подошву. Несколько раз распутица оставляла девушку босой. Вдали от города природа демонстрировала свою мощь дерзнувшему одолеть её людям и выигрывала. Поначалу борьба добавила щекам жара, но в какой-то момент кровь остыла окончательно. Пальцы перестали гнуться. Обернувшись, Антон заметил, что Мира изрядно отстала. Ветер с готовностью подпихнул его в спину: «Ступай назад!». Мира пошатнулась и опала на подставленные вовремя руки. Лёгкие пощёчины не смогли растормошить девушку, ни единого стога не сорвалось с заледеневших губ. От предыдущих падений чулки расползлись стрелками, обнажив незащитную кожу. Она была синего цвета.

Потуже затянув куртку на безвольном теле, Антон подхватил Миру на руки и почти не ощутил веса. Он и собственное тело перестал чувствовать, и двигал членами исключительно

по памяти. Холод уже сожрал его плоть, настала очередь костей. Суставы трещали. Равнина покрылась могильной чернотой, а небо стало гранитным обелиском. Ветер сковал зрение и уже не понять, далеко ли спасительные огни. А может быть, они давно замёрзли и это загробный мир, в котором один призрак будет вечно тащить другого навстречу иллюзии? Антон уже не знал, во что верить, его мысли тоже сковал лёд. Оставалось только делать то, что у него получалось лучше всего – двигаться вперёд.

«Ты сегодня вернешься?»

«Что за вопрос? Конечно, вернусь. Мне жаль, милая, что я сбежал от тебя, не успокоив и не приласкав. Сам испугался».

«Чего испугался?»

«Того, что останусь. Но сейчас понимаю: нельзя обернувшись назад, сбиться с шага. Оборачиваясь назад, легче понять, куда тебе нужно идти».

Тело сдалось вопреки желанию воли: колени подогнулись, падение оказалось коротким и почти не принесло боли. Приподнимаясь с четверенек, Антон упёрся пальцами в землю и, наверное, оставил пару ногтей в поле на память о себе. Мира лежала рядом. Из-за приоткрытых губ не доносилось ни звука, ветер нагло дёргал длинные волосы.

Антон подставил щёку под удар стихии. Он обещал дочери вернуться домой, а мужчина должен держать слово. Он не соврал жене, когда сказал, что хочет расстаться – лучше выдернуть занозу одним махом, чем жить в мучении, и он

действительно дорожит Мирой – её молодостью, природной энергией и красотой. Он будет идти столько, сколько ему осталось жить... Антон поднялся на негнущихся ногах, подхватил Миру под мышки и потащил волоком.

Ветер взревел. Выдубленные морозом веки уже не способны были сомкнуться. Окружающий мрак уплотнился по бокам и вытянулся бесконечным туннелем.

«Тут рукой подать», – Антон потянулся навстречу яркому свету. Зашумели тормоза. Водитель – мужчина преклонных лет изумлённо уставился на Антона через лобовое стекло. Его пассажирка изумлённо охнула.

– Помогите, – прохрипел Антон, чем избавился от остатков сил.

***

Их затащили в автомобиль. Включили печку на полную мощность. Водитель извлёк припрятанную бутылку коньяка, его пассажирка растирала Мире ноги. Когда девушка застонала, часть спиртного влили ей в рот. Много жидкости растеклось по подбородку, но к щекам начал возвращаться здоровый цвет.

Антон сидел на переднем сидении, укутанный в старушечью шерстяную шаль. Он обожал эту шаль и был благодарен людям, не проехавшим мимо чужой беды.

Мира плакала. Женщина успокаивала её с материнской заботой. Вовсе не сексапильная красотка, а маленькая испуганная девочка позволяла чужим рукам баюкать себя. Дети

забываются, играя во взрослую жизнь. Гораздо хуже взрослые, которые потекают им в этих играх.

Антон смотрел вперёд и видел приближение городских огней, а обернувшись, вспомнил распутицу. Будет тяжело подружиться с обманутой женой и расстаться с любимой девушкой. Ещё труднее – заслужить прощение дочери. Но лишь это гарантировало свободу. Может быть, лет через семь, он вновь встретит Миру – повзрослевшую, с опытом за плечами, и страсть вспыхнет повторно. Кто знает? Известно лишь одно – останавливаться Антон не будет.